О ТЕР-КАРАПЕТОВЕ С. Т. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ТЕР-КАРАПЕТОВ Сети Татевосович, родился в 1900 (внук писательницы Дубровиной, активной революционерки). Получил высшее образование. Проживал в Москве, работал в учреждении, с 1918 — член РКП(б). В конце 1920-х — арестован по обвинению в троцкизме, через два месяца освобожден из тюрьмы[1]*. С 1933 — работал начальником планового отделенья комбината в Кемерово. 19 сентября 1936 — арестован как «участник "Кемеровского" процесса по делу о взрыве на кузбасской шахте "Центральная"» и заключен в Новосибирскую тюрьму. Приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг (Мариинск). В январе 1937 — привлечен к следствию по делу «Антисоветского параллельного троцкистского центра»*[2]*.*

В октябре 1937 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его мать А. Тер-Карапетова.

<13 октября 1937>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Может быть Вы пожалеете 70-ти летн<*юю*> больную старуху, поймете всю боль материнского сердца и сами прочтете мое письмо. Я писала ко всем лицам, имеющим значение и влияние, но, очевидно, письма до них не доходят: они все поручают секретарям, которым письма, верно, надоели и они бросают их в корзинку. Между тем уже больше года я хожу, как безумная. Сын мой был арестован 19 сент<*ября*> 36 г<*ода*>. Вина его вот какая: 10 л<*ет*> тому назад, будучи в вузах, он на один месяц уклонился в сторону троцкизма. Посидел за это 2 месяца в Москов<*ской*> тюрьме, искренне раскаялся в своем заблуждении, и больше никогда не имел ничего общего с троцкистами. Вторая его вина — он имел несчастье работать начальником планового отделенья комбината в Кемерове в течении полуторых лет от 1933-го до 1935-го года, а там притаилась тогда банда вредителей, с каковой сын мой не имел никакого общения (судьи не нашли за ним никаких фактов). Третья его вина: он дал мне временно сохранить, пока ездил лечиться летом 1936-го года в Кабулети, дамский браунинг, каковой он собирался по возвращении с курорта сдать в милицию. Я же всю жизнь боюсь всякого оружия; не зная, что браунинг где-то зарегистрирован, и возмущенная процессами судебными против мерзких злоумышленников, каковые были во время его отъезда, выбросила его в какой-то подъезд и этим сильно подвела сына. Клянусь Вам всем святым для меня, что пишу чистую правду. И вот за такой идиотский поступок старухи со склеротич<*ескими*> мозгами сын теперь погибает! Вероятно револьвер нашли, и сына моего арестовали. Он сидел в Новосибирской тюрьме, был приговорен к 10-и годам тюремного заключения и был переведен в тюрьму г<*оро*>да Мариинска. До 5-го ав<*густа*> 1937 года я получала от него письма, а после 5-го августа полное молчание, и я не знаю, жив ли мой сын! Не помню, успела ли я ему сказать, что выбросила револьвер, т<*ак*> к<*ак*> он был арестован на второй день после приезда. На курорте он лечился от сильной неврастении и болезни желудка, угрожающей язвой. Все 10 лет он вполне предан партии (он партиец с 1918 года), предан всем вождям и не знает никаких уклонов. Он откровенен со мною, и я за него ручаюсь, как за себя. Мать моя была писательница Дубровина, активная революционерка, сидела не раз в тюрьме и была высылаема. Я — вдова инженера и дочь инженера, переводила с иностран<*ных*> языков; всеми помыслами

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 635. С. 125-133, 176-177.

[2] Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

сочувствую социализму, партии и всем вождям. Сын мой кристаллически чист перед партией, и этот суровый приговор — ошибка судей, а между тем он, как больной человек, погибнет от тюремного режима. Моя горячая мольба к Вам, мольба на коленях: замолвите о нем словечко всесоюзному прокурору т<*овари*>щу Вышинскому, к которому нет доступа. Я писала ему, но, вероятно, мои письма на дошли до него. Судила моего сына Новосибир<*ская*> военная коллегия, без защитника. Если бы дело разбирал сам Вышинский, то, конечно, с его умом он увидел бы, что сын мой просто попал как кура во щи; за ним не найдено никаких фактов, и осужден он по недоверию. Но нельзя же на 10 лет осуждать подозреваемого в чем-то! С Норкиным, который был его начальником, сын был в плохих отношениях, и, может быть, Норкин со зла наклеветал на моего сына, — я ничего не знаю, кроме того непреложного факта, что сын мой ни в чем не повинен! Во всех учреждениях Мос<*квы*> и в Мариин<*ской*> тюрьме я справлялась о сыне и никакого ответа не получила.

Теперь я обращаюсь к Вашему сердцу: пожалейте невинно осужденного, совесть его кристаллически чиста, а его причислили, очевидно, к злоумышленникам только потому, что он попал в полосу общего недоверия. Я 45 лет жила на Кавказе, и никого в Москве не знаю, к кому обратиться за помощью, и решилась побеспокоить Вас: спасите его, пока не поздно, пока он не погиб в тюрьме.

Если бы наш мудрый и справедливый т<*овари*>щ Сталин или т<*овари*>щ Калинин знали его лично, они давно бы выпустили его из заключения. А теперь я даже не знаю, жив он еще или уже погиб в тюрьме. Зовут его Корапетов Ив<*ан*> Иосиф<*ович*>. Как южанин, он не вынесет сибир<*ских*> морозов. Ему 36 лет, с высшим образов<*анием*>, имеет жену и 6-и летнюю дочку. Разве правда не должна существовать при социализме!? Разве могут у нас быть факты напрасного осужденья!? Умоляю Вас, обратите вниманье на мою мольбу.

С полным уважением к Вам и с душевным приветом

А. Тер - Корапетова.

Москва, Больш<*ая*> Серпуховская,
д<*ом*> № 46, кв<*артира*> 360, корпус 13-й»[3].
Ф.8409 Оп.1 Д.1612 Л.91,91об.

[3] ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1612. С. 91. Автограф.